

Тимур Бикбулатов

МЕТАСТАНСЫ
(сторона А)

Тимур Бикбулатов

Метастансы (сторона А)

«Издательские решения»

Бикбулатов Т.

Метастансы (сторона А) / Т. Бикбулатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857022-3

Я не знаю, зачем этот текст. Может быть, попытка оправдания, ведь я никогда не мог защитить свою внебытийность. Это универсальное междусловие можно отнести к любому из моих текстов, но попало оно сюда и не поддаётся вычеркиваемости... Похоже немного на декларативный потуг, симулирующий рождение будущего «нечто», ибо в наше время нет смысла не эпохальничать.

ISBN 978-5-44-857022-3

© Бикбулатов Т.
© Издательские решения

Содержание

Колыбельная для	6
Конар-хисти	7
Закатный плач	8
Исповедь язычника. Ветер	9
Исповедь язычника. Слово	10
Регтайм	11
Белое и красное	12
Солнышко	13
Колыбельная	16
Тронный век	17
Караван	18
Любовь Пограничника	19
Сергею Есенину	21
С. Веселову	24
Бессонница	26
Классическое	27
Автореминисценция	28
ДЕЛИРИКА	29
Итака	29
Lost	30
ПЕРВЫЙ РОМАНС	31
ВТОРОЙ РОМАНС	32
ТРЕТИЙ РОМАНС	33
ЧЕТВЕРТЫЙ РОМАНС	34
Ноктюрн	35
Summertime	36
Теофобия	37
По Гейне	38
Семь блюзов	39
1	39
2	39
3	40
4	41
5	42
6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Метастансы (сторона А)

Тимур Бикбулатов

Редактор Владимир Столбов

© Тимур Бикбулатов, 2017

ISBN 978-5-4485-7022-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лучше писать для себя и потерять читателя,

Чем писать для читателя и потерять себя.

Сирил Конноли.

Я не знаю, зачем этот текст. Может быть, попытка оправдания, ведь я никогда не мог защитить свою внебытийность. Это универсальное междусловие можно отнести к любому из моих текстов, но попало оно сюда и не поддаётся вычеркиваемости... Похоже немного на декларативный потуг, симулирующий рождение будущего «нечто», ибо в наше время нет смысла не эпохальничать (мудрое словечко нарисовалось – уже польза). Я не знаю кому, когда и зачем надобится поэзия, которую давно никто не «всасывает» (хотя, зачем здесь кавычки – для людей без кожи они только создадут подобие панциря, а для прочих и без этого текста хватает недевственных курсисток при скудоумных культуродеятелях). Я точно знаю, что после этой вставной конструкции придётся делать грустные глаза и демонстрировать свою неверблюдность.

А вообще, могу я подарить себе свои стихи, ничего не декларируя и не оправдываясь? Убаюкать себя, на время захомячить в свой жадный карман кусочек настоящего, не кастрированного политикой и пиитикой чувства. Могу! И хочу! И превыше моего желания может быть только... Да просто выше этого только задранная попка псевдожизни, но я, и пусть это моё единственное достоинство, никогда не вёлся на остывшие макароны (пусть понимают, как хотят – они знают слово «интерпретация»).

Одно я знаю абсолютно точно – в этих «записках мимошедшего» все по беспределу честно и нет ни капельки (забавен язык) онанизма.

Колыбельная для Люцифера (1989 – 1991)

Каждый бой по себе выбирает смерть.

Тим Александр Кельт

Это было совсем недавно, когда количество волос на моей голове ещё можно было назвать причёской, а количество слов в лексиконе – достаточным для поступления на филфак. Рок-н-ролльщик, спортсмен и секретарь комсомольской организации постепенно деформировался в «проклятущего поэта» и алкоголика. Шесть струн болгарского «Орфеуса», подпалённого в костре, нехилые вылазки в петербургское сопливое пространство, и девочки, пишущие длинные курсистские романы... Гнилая романтика леса и деревенские танцы с томиком Рембо в кармане. Областные олимпиады по математике и биологии и разбитые очки в пьяных спорах о Моррисоне. И верные друзья, рисующие, стихоблудствующие, гитарошпилющие. Именно тогда рождались темы для картин – «Девочка на шару», «Бурлюки на «Волге», «Спирохета, вызывающая сифилис», «Декабристы будят Герцена»... И тексты, тексты, тексты... Первая отповедь из журнала «Парус» о несоветскости стихов и первые песни в соавторстве с Винни (теперь он доктор философии в Нидерландах). Это было одновременно «stairway to heaven» и спуск в преисподнюю, поиск «house of rising sun» и «пути в сторону леса». Почему-то сейчас захотелось это вспомнить... Для нестатистов того пространства, да и для себя. Тот момент, когда возраст Рембо и Божидара не позволял врать и слушаться классиков.

Нюхайте, пяльтесь и прыгайте назад на четверть века. Тогда я стал Кельтом. И перестал быть мальчиком...

Конар-хисти

Нарисуй меня черным всадником
В инквизиторском белом костре,
В императорском сюртуке
И в агонии бледных сумерек.
Распиши это небо мной,
Пьющим затхлость монашеской кельи,
Офицером английского флота,
Менестрелем-бродягой севера.
Вышей образ мой на плаще
Матадора или мессии...
И в бурлящем стакане ваганта,
И на вывеске дома терпимости,
И на крыльях подбитого лебедя
Пусть глаза мои будут осенние.
Выжги профиль мой на груди
У седого крупье Монте-Карло,
На цыганском платке у торговки,
На борту корабля из Испании...
Но когда ты вернёшься ко мне,
Я спою тебе песню кельта —
Гимн моей негритянской России,
Ослеплённой и преданной пеплу.
И когда в поцелуйном преддверии
Ты протянешь мне губы печальные
Я умру. Ибо я не любил тебя.
Ты простишь. Ибо Смерть – тебе имя.

Закатный плач

Дмитрию Лапушкину

Скрипач играл Сарасате,
Ветер выхлёстывал лица.
Тоска до кровавой рвоты
И смех истеричных глаз.
Но тихо сошла Богоматерь
С убийцами сына проститься.
Огонь наводил позолоту
На старые зеркала.
Деревья сплетались с закатом,
Меня приглашая на танец,
Да я ведь игрок, а не зритель
Пути сквозь петлю на погост.
В шеренгу расставят солдат, и
Проступит кровь сквозь сутану,
И пепел грехопрелитий
Покроет улыбки звёзд.
А я, никому не нужный,
Подам, как предам, Ван-Гогу
Малиновым золотом сада,
Взращённого мертвецом.
И он мне отрежет уши
И ссутенерит богу.
Погаснет сирень заката,
В деревья вплетя лицо.

Исповедь язычника. Ветер

Мне стыдно, что я невиновен
И мой костёр не в крови.
Я выстроил Имя Слова
И Храм Февраля на Любви.

Распятые... Багровой тучей
Легла на колки голова
За то, что бог невезучий
Позволил себя целовать.

Гуляйте, пока не застрелят,
Стреляйте, пока дают.
Есть в смерти шальная прелесть —
Вертеть в руках не свою.

Исповедь язычника. Слово

Мне числа имени разрезали чело,
За то, что боль хранил в порочном теле.
За то, что имя: тайна, Вавилон...
Царапал на развалинах борделя.

За то, что всадник был и белый конь
(Я имя помню лишь наполовину)
Легло клеймо на правую ладонь
И когти на подставленную спину.

Но я с утра ещё вернусь домой
И матом изрисую всю страницу.
Да, ты права, трубил уже Седьмой.
Пал Вавилон, великая блудница!

Регтайм

Да, это жизнь моя сволочная покатила
башкой стюартовой.
Да, это ересь моя. Поймай, наизнанку выверни.
Но, жаль, не мои сокола разорвут утром рты ветрам
Да Николе сплетут мягкой травы ремни.

Видно, последний омут лишь головой постичь.
Эти же строчки пиявками сердцу привычнее.
Благослови, опозорь, бедный Иисус Иосифович
И не крести. Так мне сподручней язычничать.

Да, это бог дрожит себя под оплётанной скатертью,
Да, это танец мой – пеной с губ эпилептика.
Но долго петляет Россия – с чёртовой матери
До святого отца. Да один поводырь. Некто Хлебников.

Да пожалейте ж меня, губы в кровь искусавшего!
Но лишь каблуком между строк и грязную кость
под дождь....
А икнётся – закашляешь, выйдет любовь красной кашею.
Здесь время года – покос да место встречи – погост.
Так что ж?

Ведь весну не уймёшь – молча сушите простыни....

Белое и красное

Последний крик совы последней ночи,
И кто-то скрипку рвёт в пустой часовне.
Но молоком умыты руки зодчих
И кровью – менестрелей-песнословов.

А в унисон с простуженной свирелью
Выводит флейта смертный клич Аттилы.
И серебром укроет колыбели,
Кто медью укрывал свои могилы.

Шарманщик спать уложит попугая
И, накормив судьбу, стакан достанет.
А снег, краснея перед звёздной стаей,
Вслед за костром вольётся в белый танец.

Солнышко

Мне обруч рек на горло-небо.
Клеймо луны на грудь – земля мне.
Меня встречали – где-то хлебом,
А где-то просто п...ми.

Имел рассвет – вручил расстрелам,
Имел закат – разбил о камни.
И душу вывинтив из тела,
В ней убивал тоску пинками.

Но Солнышко моё – от дьявола.
Не ровня праведным потёмкам.
Застыв гнилым и кислым яблоком
В глазах убитого котёнка

Прощало телом, смехом, пулею,
В постель тащило на раскаянье.
Но Авель был – глаза акульки,
А губы – лёд. Куда там Каину!

Куда там Хорсу – младо-зелено,
Куда Гефесту – слабо кормлено.
Лишь Солнышку под стать веселие
В петле над гордой колокольней.

Умом объята и измерена,
Величьем вдавлена в двустышья,
Измены Клодии Валерию
Страна доньне не простившая.

Страна-отец больному выродку,
На три россии мир делящему.
(В пожарах римских сердце вырвалось
И отрыгнулось настоящим).

Моим россиям – глаз старушечий
Да мне б невинность малолетнюю.
В разгул пустились мы б не хуже, чем
Орда мадонн желтобилетных.

Я строил идолов и капища,
Язык разучивал языческий.
А Солнышко, почистив лапищи,
Смиряло вольные привычки.

Считало сорванные пальчики,

В огонь кидало глазки блядские.
А я искал кудрявых мальчиков
С раскосым взглядом азиатским.

Мы с Солнышком купались порознь
И жрали огненную трапезу.
Ему быть – в свете, мне – лишь в голосе,
Раз жизнь пошла погрязшей в праздниках.

Тупые умоподобия,
Святые телосумасшествия...
Оно – пророком, я – прощением,
А скопом – подлю и божественно.

Богов лепили с грязным фаллосом,
Лишь не хватало – нимб на задницу.
Оно кричало: «Брось, отвалится!»,
А я попробовал – всё ладится.

Ругались – было, но построили.
Плевать, что криво – полюбилось же.
А топором что было скроено,
Пером не вылижешь...

Колокол, обитый белым бархатом,
Звонница, раскланявшись, молчит.
Каин измеряет судьбы картами —
Выпадают только палачи.

И застыли нежно руки с чётками,
И червонным золотом звеня,
Две цыганки и моряк чечёткой
Вызывают к небесам меня.

Докурив, я выйду в ночь по холоду
Безнадёжно, как на эшафот.
Чтоб увидеть, как уходит под воду
Мой сгоревший погребальный плот.

Мазками масок скалится тоска
В палитре черно-красных судеб.
Кисть жаждет холст, но вновь дрожит рука,
Охвачена безумьем цветоблудий.

Ещё глоток. И вихря ждёт закат,

И в вое пса заложен приступ страсти.
Но падают глаза в пустой стакан
И похотью вгрызаются в запястье.

А проститутка томно улеглась
На красками испачканное ложе,
Но в эту ночь её заставит власть
Пропойцы сделаться похожей

На ту, что приходила в этот дом
Печальной и тихой истомой.
И губы запечатав красотой
Манила нас презреть законы дома.

И мы, забыв глаза других мадонн,
Смотрели вслед, боясь табу порога.
И лишь шуты в разверстую ладонь
Ей приносили в жертву сердце бога.

И лишь когда последний точный взмах
Улыбку на лице её поправил,
Он умер.
А она сошла с ума,
Когда себя увидела в оправе.

Колыбельная

Стон вертепной скрипки – небо плачет блюз.
Похоть и улыбка – сквозь одну петлю.
Ногти впились в скатерть:
«Я тебя люблю».

Сердце просит ветра да крепки ремни,
Словно мокрой веткой выхлестаны дни.
Выходи на паперть,
Руку протяни.

Жёсткие постели, ржавый скрип пружин,
В непорочном теле только просьба: «Жить».
На венчальный камень
Пальцы положи.

Бледных проституток впалые глаза,
Среди пошлых шуток вырастет лоза,
И печальный Каин
Повернёт назад.

По венкам из липы прелый скрип подошв.
Нужно только выпить, в стремя и – в дождь.
Но, пока поешь ты,
Молча не уйдёшь.

Солнце между ставен – тут хоть плачь, хоть пей.
Бог уже не ставит – бей промеж цепей.
Там не потревожат.
Спи, я смог допеть.

Тронный век

Завтра солнце увидит меня безнадежно живым.
Гибель последней стаи низвергнет спасенье,
Бессилье задушит февраль руками знамений.
Пусть будет так. А жить я смертельно привык.
Приготовят постель из сухого огня и травы,
И марево высветит брошенный в озеро город,
И живот овдовевшей земли будет нагло распорот
Будет путь на семь лун, и устанет колдун —
Бубен ляжет, как нимб, в серый пепел седой головы.

Да, тюрьма и сума. И чума? Но ведь мы не больны.
Пусть умрёт в страшных муках последний и гордый король
И печаль будет ткать тишину над молчащей сестрой.
Пусть будет так. Но, устав, мы попросим войны.
Мне судьба – не судья. Искушением – лесь сатаны.
Я просрочен. И, стало быть, мне крутить барабан.
Дрожь в коленках пройдёт. Повезёт, так избавь от забав.
Я б поверил в него, если б верить мы были вольны.

Вскройте прикуп. Я – пас.
В моем зеркале – тени предчувствий.
И окурок погаснет в руках и поверит страстям.
И с похмелья я выдам им имя слепого вождя.
Но под сердцем – ожог. А на сердце – по-прежнему пусто.
И распутная ночь не меня уподобит Прокрусту,
И я втисну в себя это время – была не была.
Но шальная стрела задохнется в груди у орла.
Пусть будет так. А со мной уж поделятся грустью.

Караван

Он вышел ко мне по твоим костям, Джим.
Волосы Авеля
В стакане портвейна.
Париж.
Секта слепых онанистов.
Улыбка Каифы с рекламы.
Тебе носивший во чреве
Подставил ладонь Пер-Лашеза.
Беги. Беги, Джим, беги...

А в придорожной закускойной
Сегодня торт с земляникой.
Капелла кастратов похабит
Печальный напев каравана.
И бесконечная очередь —
Люди с обрюзгшими лицами.
Они получают деньги
За то, что пили с тобой.
Беги. Беги, Джим, беги...

В дешёвых пивных голубые
Блюют на твои портреты,
И солнце корёжит засовы
На вечных твоих дверях.
Беги, пока под Шопена
Выносят чистое Слово.
Беги, брат, мы встретимся завтра
На пороге Изгнанья.
Беги. Беги, Джим, беги...

Любовь Пограничника (1992 – 1995)

Я за собой оставляю право любить, а вам оставляю право не верить в мою любовь. Но когда вы начнёте пускать кровь, пусть выбор падёт на меня. Но знайте – я родился в чёрной рубашке, и я останусь жив, пока мне это будет нужно. Я вернусь, когда запечётся Любовь на ваших глазах. Я упаду под ваши колени, когда вы вспомните о красоте и начнёте молиться. И, может быть, в прокуренном и облёванном тамбуре кто-то вспомнит обо мне. И, может быть, когда черви закопошатся в ваших ртах, вы споёте меня.

«Я не хочу.
Кусая солнцу локти,
Плешь пеплом вымазав и на луну скуля,
Я не могу.
Бегу, смотав дорог тень,
Как мышка с гибнущего корабля.
Смеёшься?
Ведь смеёшься больно —
Не разорвёшь колоду пополам.
Мои глаза с оглохшей колокольни
Ты сбросишь,
Мстя своим колоколам.
Я не хочу.
Я не люблю.
Тебе ли
Пыль обивать с туфлей, пройдя порог?
Тебе я в жертву тысячи Офелий
Мог принести.
Но не донёс,
Не смог.
Губ твоих привкус не слизать, не сплюнуть,
Ты знала,
Душу пьяную маня,
Что, захотев потешить свою юность,
Ты до смерти потешила меня.
Пусть взгляд твой гордый в сердце отпечатан,
Я не смеюсь...
Мне душно без тоски...»

И в грязь упала белая перчатка,
Едва коснувшись пепельной щеки.

Пальцы тонкие медленно выломав,

Я веночек Вам совью и петлю.
Не кричите, пожалуйста, милая.
Я люблю Вас, по-детски люблю.

Подождите, я больше не буду так.
Черт с ним, с пальцами – дым без огня.
Вы так вздрогнули мило, как будто
Вы обнять захотели меня.

Обнимите, я знаю не просто Вам.
Пусть сегодня я дьявольски пьян.
Оправдаться хочу перед господом
Тем, что вечер Вы были моя.

Губы дёрнулись. Ну, улыбнитесь же,
Может быть, все уйдёт на заре.
Не простят мне грехи – я все выдержу
За невинный сегодняшней грех.

Неуют мокрых перьев. Кому бы
Расцарапать слезами жилет?
Эти мёртвые, синие губы
Мне не сделают больше минет.

Ни вина не прошу, ни отравы,
Моя гордость сегодня не в счёт.
Я готов в придорожной канаве
С губ твоих пить колодезный лёд.

Ни петли не хочу, ни объятий,
В череп неба впечатав луну, —
Мне б сорвать с тебя белое платье,
Как с гитары срывают струну.

Мне б немного тобой освежиться,
Мне б хоть самую малую горсть!
Ведь твоя черногрудая птица
Расклевала любви моей гроздь.

Сергею Есенину

Не тебе я был брат, грустный дьявол мой яблоневый,
Не тебе этот бант из волос моих выплели.
Не тебе был мой Каин, по-здешнему авелевый,
Не сюда приходил ты тоску свою выблевать.

В моем круге – костры, да тебе до огня ли здесь?
Омертвела сирень, да в петлицу воды не влить.
Помню: снег не сошёл – повели тебя на люди,
Пристегнули к коню, да не к сроку мосты свели.

По земле – синева, по кордонам – весна не в лет.
У меня снежокос, у тебя – златосев, хоть вой.
Атаман, если сам, поводырь, если наняли,
А позвали пинком – на рассвет по росе конвой.

Пусть я сам не твой сын, и не мой тебе дом, как дым.
Все размыло следы, я к тебе через новой тракт
Я б пораньше пришёл, просто не было повода
Отпустить повода да пустить тройку по ветрам.

Только крест на груди, словно боль перечёркнута,
В небо шеи церковей наугад понатыканы...
Запрягай да гони, бледный ангел мой чёртовый!
Только как ни крути – не закроют мосты ко мне.

Умирать? Так какая ж забава
Мне положена в жизни ещё,
Если богу служить за... ло
Да и с чёртом не полный расчёт.

Может, солнце разорвано в клочья,
Может, слову так мало меня.
Или, выиграв право пророчить,
Доиграюсь до Судного дня.

Душу спрятав в стакане с окурком
И без двух отыграв мизера,
Я улягусь в постель к Петербургу
Как любовник, как муж и как брат.

А хотелось лишь самую малость —
Бросить пить и попробовать спеть, —
Только сердце судьбой отблевалось,
Проглотив беззащитную смерть.

Но в полете предсмертного вальса,
Оторвавшись от скрюченных рук,
Нацарапают синие пальцы:
«В моей смерти винить Петербург».

Ворвалась зима и поля перепачкала снегом,
Всем было плевать, но зачем-то хотелось огня,
Но кто-то не спал и от скуки откашлялся небом,
Потом поперхнулся и нехотя сплюнул меня.

Я так и остался плевком, попирающим слезы.
Я жаждал любви, издеваясь над похотью слез.
Но этот подлец ещё выдумал пьяную розу
И нас обвенчал за полпачки сырых папирос.

Она умерла, а меня обозвали поэтом,
Пытались стереть, но я спрятался в тающий снег.
А глупый чудак где-то выкопал подлое лето
И, видно устав, закопался в полуденном сне.

В эту ночь в перекошенном небе
Не моргать надоевшей луне.
Я ещё на земле этой не был,
И она не заплачет по мне.

Не в её волосатой утробе
Я болтался, на волю просясь,
Я ещё своё небо не пропил,
Чтобы падать в холодную грязь

Но когда-нибудь, гордый и вольный
Я напьюсь и ударю в бега,
Чтобы в снежное русское поле
Выйти на неокрепших ногах.

Прощание с Петербургом

Ошалелый, раздавленный, преданный...
Эта слизь на брусчатке – не я ли?
Кто из вас первым мной отобедает,
Не подавится пьяной печалью?

Языкам фонарей вряд ли нужен я.
Ну, оближут да сплюнут, поморщась.

Не для них я шаманил простужено,
Взгромоздившись на лысину площади.

Не для фейсов, в трамваях приплюснутых,
Душу склеивал водкой да горлом,
Небом грустным да солнышком блюзовым
Мне б прикрыть свои песенки голые.

Я вернусь, если только забуду вас,
Я не пел здесь и паинькой не был.
Дома лягу, напьюсь и закутаюсь,
Натянув на себя ваше небо.

Утром совесть из простыни выжав
(Ты лежи и не плачь, раз пришла),
Я оставлю свой след на Париже,
Незаметно раздев догола
Свой живот с выступающей грыжей,
Недосказанной, как «I Love».

И, прищутив бельмо идиотски,
Улыбнётся с окурка верблюдов.
Кто-то здесь – Беранже или Бродский
(Бреюсь я, а не мылю петлю!)
Расписался коряво и броско
Предпоследним конкретным «люблю».

С. Веселову

Выжму. Выжгу. Не к спеху она мне.
Хватит, пожил. Противна уже
Память, брошенная на камни
В пережёванном неглиже.

Вспомню изредка. Было б чем вспомнить,
В грязных пальцах обрывки держа
Наготу переполненных комнат
Изувеченного этажа

И ухмылку по-питерски зимних
Поцелуев промозглых. Скажи,
Ты когда возвращала стихи мне,
Я ловил ребятишек во ржи?

Они говорили: «Верь, брат, нам,
Ты будешь палач и бог.
Мы в люльке качали Рембрандта,
К купели носили Рембо.

Ты будешь купаться в вермуте,
Лаская блюда у ног.
Ты ж не какой-нибудь Лермонтов,
Что нас не пустил на порог.

Иначе ненужным довеском
Мы вздёрнем тебя на Парнас.
Когда-то дурак Достоевский
Смертельно обидел нас».

И слюни текли по скатерти,
В глазах расплывалась слизь.
Хотелось послать их матерно
Туда, откуда взялись.

Чтоб черными стали из красных,
Чтоб с шеи сползла голова.
«Я вам далеко не Некрасов,
чтоб временем пачкать слова.

Я вам не шарманка с музыкой —
Позолоти и крути.
Я просто беспечно русский,
Меня уже не спасти».

Связки песней подрезаны,
Не кресту – красота.
Было б дело по-трезвому,
Было б всё неспроста.

Но не певшим – куда идти?
Конным, пешим ли? Бред
Только бешеный в памяти,
Только сдуру – поэт.

Мне к последнему празднику
Бубенцы не готовь.
Если жить угораздило,
Значит, будет любовь.

Небо к ночи потрескалось.
Не кричи – выручай.
Было б дело по-трезвому,
Было б всё невзначай.

Бог не мебель – подвинется,
Не с небес, так с креста
Скинет ножки – травиночки,
Чай, не в масть пустота.

Волки мной не побрезгуют,
Эко дело – вино.
Было б дело по-трезвому,
Было б снова смешно.

Бессонница

Полосу без удержу
По-садистски листы.
Беспользную голову
Кием «Паркера» —
В лузу.
Скулы сводит, как в Питере
Утром мосты,
С томным скрипом,
Рожающим новые блюзы.

Кофта фата желтее, чем
Натюрморты с луной,
Вышью вместо «битлов»
Я мозаику смерти.
И останется Бог
Тёплой горькой слюной
На отправленном мной
Безымянном конверте.

Классическое

Ромашки оборвать – и в урну...

Не любит / любит. Нечет к чёту.
Быть иль не быть. Какого чёрта
Моя любовь неподцензурна?

По потолкам с разбитой лепкой
Прощеньем – тень моих объятий
(со стороны:
Поблэкшей блядью
Играет пьяный эпилептик).
Нервно-тряпичным арлекином
В меха и кнут одел Венеру.
А ты сидишь, ослабив нервы,
Полулежа.
Какой богине
Заклан ягнёнок?
Слава мёртвым!
Твой холод – трупный холод жертвы.
Опустошённые фужеры
В овале губ полуистёртых...

Vae victis! Без суфлёра – жутко.
Quo vadis! Поводырь бесплатно.
И, как слеза за вырез платья
Стечёт любовь последней шуткой.

Автореминисценция

Было б весело,
Я бы не плакал...
И какого же черта рыдать,
Если жизнь полудохлой собакой
Заползала ко мне на кровать.
Было б дело бессмысленной ночью,
Я б заснул или выпил вина,
Я бы выпелся, я бы отсрочил,
Я бы выплакал совесть до дна.
В грязной мути сигарного дыма
Я б нашёл для себя облака...
Слишком долго Мария для сына
Вожденный тот крест берегла.
По острожью и по бездорожью,
По зелёной, как плесень, траве
Татуировал сумерки кожей,
Лишь бы в пляс не пришлось голове.
Но не мне эти груди залапать,
Чтобы брызнули кровью соски.
А ведь смерть для прикола могла бы
Пожалеть... Так ведь все не с руки.
К черту Дьявола —
Есть ли он, нет ли.
Мог бы Бога приснить для себя...
Но не мылом ли смазаны петли,
Что сегодня на горле скрипят?
Было б сердце на кругленьком блюде
Без вины сиротливых зрачков...

Только песенки в пятнах поллюций
Изнасилованы смычком.

ДЕЛИРИКА (1996-2003)

Итака

Кричали «вон!», «распни его!», вопили «Ave»,
Носили небо на руках до первой крови,
Но пил в хлеву из грязных луж подлиза Авель:
В ногах – дерьмо, и аналой – у изголовья.

И, отхаркнувши желчь, кряхтел разбитый идол,
И кислотой плескал в купели Pater потный,
Но я свой варварский парад ещё не видел,
Забив глаза нелепым сном туник двубортных.

Держали понт, шептали «вист!», кидали пальцы
И волокли спиной по аду до Эдема,
Но пух летел из плюшевых паяцев,
И чей-то праведник скулил: «Откуда? Где мы?»

Ведь я ещё не посмотрел Мадонну Санти,
Никто не спел «Ла скала блюз» в моих оскалах,
А вы тащили мордой вниз, оставив сзади.
Свою любовь, что вам назло меня искала.

Теперь ли править «Отче наш» а la хвалебен?
Теперь ли строить ля диез в моих аккордах?
Ведь та, что вас ласкала ртом, рисует небом
И носит в сердце образок не с вашей мордой.

Lost

Я не понимаю.
Быть может, не знаю пароля,
Но роли исчезли. Спираль – это та же прямая.
И, может быть, mc^2 – это формула внутренней роли
из двух монологов и хора?
Я не понимаю.
Нет тех меблирашек, заблёванных точно по рангу.
Я был там вчера,
значит, здесь никого не ломает.
Пусть спит Арлекин и страдает подвыпивший ангел:
Безвыходность полупорока...
Я не понимаю
Крезоидный выгрыз в игре призакрытых капризов.
Я – вне патологий.
Пусть это кого-то страшает.
Мой поллюционный кошмар недостёрт,
недолизан —
Лишь слепок недетской тоски,
Но я не понимаю
Пластических ласк на приплюснутых верой картинах —
Традиция плоти.
И в вальсе исчезла восьмая.
Молись не молись —
не прикупишь прощенья невинным,
А, впрочем, безгрешных
я попросту не понимаю.

ПЕРВЫЙ РОМАНС

Здесь пахло весной. Точней, кожурой апельсина.
Прогнившее небо уже оклемалось вполне,
И чья-то любовь над моей головой голосила
Под сдавленный хрип алкоголика в красном кашне.

Под полуотвергнутый, полуприласканный клёкот
Помоечной стаи, оставленной, чтобы устать,
Какая-то ненависть неба отодранной плёнкой
Бессильно повисла с уставшего верить креста.

Я выброшен, выпрошен, выкрошен хлебом в кормушку.
Весна обманула – сгоняй, позови сизарей!
Чужая надежда со смехом казнённой игрушки
В обнимку с окурком тустеп танцевала в ведре.

И, может быть, буду ходить в золочёной визитке,
Рыгая словами за деньги, почти без вистов...

Моя безнадёга расколотой кафельной плиткой
Немного ещё поскрипит под ногами шутов.

ВТОРОЙ РОМАНС

Фортепьянный кошмар. Веера полупьяного бала:
Или брошенный гость, или просто непрошенный Бог.
Просто руки скользят, просто верить уже зае... ло,
И судьба набекрень, и в чернильнице чей-то плевков.

Вреден север и мне, только списан декабрь на запчасти.
Мёрзнет в проруби хвост. Полетели, осталось по сто.
Все слова в полусне. Неразбавленным деепричастьем
Стынет в рюмке кагор. Нипочём, не к лицу, ни за что.

Отойди, не мелькай! Ты в моих зеркалах не увидишь
Жест добра (он уснул наугад между «fuck» и «О. К.»).
Я ещё наверху – над Помпеей смеющийся Китеж —
В окруженьи проклятий, вертящихся на языке.

Нет добра без петли, нет красивых цветов без отравы.
Нет признаний в любви. И любви безо всяких табу.
Ной ведь жрал голубей, не предавших вопящей оравы,
И кричали «Добей!» среди мёртвых от страха трибун.

Никому не в обиду. Зачем же корябать шарманку?
Перестань подвывать. Я ещё не на том вираже.
Оттанцуй без меня танец маленьких белых подранков,
И не смей вспоминать.
Лучше выпей со мной.
Я уже.

ТРЕТИЙ РОМАНС

Ты придёшь наобум. И сорвёшь веера с грязных клавиш,
Превратив пьяный столик в кричащий «Добить!» Колизей.
Но ты вновь не в себе: или длинную масть обезглавишь,
Или сбросишь семёрку, играя дырявый мизер.

В замутнённых глазах – отражение мятых рубашек,
Тебе всё по бубям – ты же здесь, как и в небе, чужой.
Сквозь кипящие слюни: «Не будет сегодня по-вашему.
Распасы, мсье Селин. У меня в каждом джокере – Джойс.

У меня в каждом севере – лунный нечищенный реверс,
И на каждый полёт я отвечу падением вверх».
Улыбнёшься и сбросишь сырую сутану на клевер,
Словно трупную гарь на успевший сгореть фейерверк.

Ты придёшь не один. Полупьяные руки на плечи,
Пальцы мнут кружева, и пружинит упругая грудь.
Шум и скатерть, и жен... Но она твою грусть не залечит —
Ты играл на неё. А теперь поделись и забудь.

Закатай рукава и повесь эту «пулю» как ценник
(у тебя каждый ход – из ремарок и старых цитат).
Ты играл на неё, как играл Ипполита на сцене,
Взвесив совесть свою и продав её в твёрдых вистах.

Ты уже не придёшь. Только вспомнит измятое платье:
«Раздавай на туза. У меня в каждом взгляде —де Сад».
Но ведь мокрым глазам,
прикреплённым в довесок к оплате,
Ты уже не докажешь, что свой на своих небесах.

ЧЕТВЕРТЫЙ РОМАНС

Противно до смеха. Себя у признания клянчить,
Расплющив о левую грудь отсыревший бычок.
И, словно безумно карманом играющий мальчик,
Стыдливо улыбиться, дёргая нервно плечом.

Последние строчки прикручены намертво скотчем,
Иссякла на выдумки неперекатная голь.
И хочется быстро, не очень затейливо кончить,
Осыпав с мозгов, как листву в сентябре, алкоголь.

По-моему, дембель в судьбе мне ещё не положен,
Пусть первый откажет в деньгах, значит, сотый нальёт.
Так много героев, за задницу схваченных лонжей,
Так мало несмелых, страхующих шею петлёй.

Мой «метр на два» не намерян, да и не намерен
Я ладить чужие подтяжки к остывшей трубе.
Неправильно скобки раскрыл на своём же примере?
Подумаешь, несколько прочерков в пьяной судьбе!

Спасибо тому, кто хоть раз, но по масти подкинул,
Кто вовремя строчкам подставил больное перо.
Я снова вернулся.
И пусть моему Арлекино
Целует тугую промежность слюнявый Пьеро!

Ноктюрн

Тут либо вешай меня, а либо
Богов – к ногтю.
Мне говорили, что здесь смогли бы
Сыграть ноктюрн.
Не клейте губ. Горячо – не сладко.
Стакан – не лоб.
Давай, парнишка, снимай перчатки,
Скрутило чтоб.
И мне плевать, что я неверлибрэн,
А ты так юн.
Слабо на саксе сливного фильтра
Сыграть ноктюрн?
Ну что глазёнышки пораззявил?
Брось, не реви!
Я тоже жизнь оттрубил, как зяблик
В полулюбви.
Я тоже ползал, сдирая пузо,
И жрал из урн.
Мне просто нужно сорваться с блюза.
Сыграй ноктюрн!
Ну что ты плачешь, глаза руками
Опять вдавив?
Я, может, к шее прилажу камень
И – c'est la vie?
А, может, спьяну кого отдраю
Да и влюблюсь...
Гарсон! Ты, может быть, подыграешь
Парнишке блюз?

Summertime

Д. Зуеву

Без Верди.
Без вербы с гербария герба
Пригублен.
Ведь грубость верлибра – не буги.
Игру бы на вертел.
Не верьте, что сгублена Герда
Безгубием Каина, смертностью Санкт-Петербурга
(ведь черти не чертят богов на груди друг для друга).
Где вещие вирши – строка за строкой по рейсшине,
Которые не довершили (ведь не до вершины)?
И вешние вишни? Першит – не грехи на ошейник.
И Гершвин – не Кришна:
В тиши не престижен отшельник.
Со сфер не до форсу? и морфий для форм a la morte.
Морфемные рифмы оформлены фирменно в морге.
Орфей псевдомоден – здесь фотогеничен Георгий.
Фаргово кефиривший морду,
Мир метафоричен,
Как Forman's перфоманс,
И Фома Аквинский, и Моцарт,
Офелии выдавший фору (но вера аморфна!),
И Я, саммертаймно прилегший Горгоной на Порги.
Мне скучно без оргий.
Мне скучно, Бесс!

Теофобия

Ничего не менялось: каменный
Стал внезапно паркетно-кафельным...
Что здесь? Часто пинали Каина
Или слишком ласкали Авеля?

Слишком быстро успели выплюнуть,
Да не всё до конца отхаркалось —
Затолкали закладкой в Библию,
То ль в Матфеево, то ли в Марково.

Как здесь? Рай для несвежевыбитых
Или лай для инцеста с голосом?
Если с ночи душа не выбрита,
Между строк остаются полосы.

Ради Бога, не надо ключей Петра!
«Ты с ним был?» – не тяни с ответиком.
Ведь писали не сказку четверо —
Дело шили неровным крестиком.

Кто здесь? Лжеадвокаты Каина
Или псевдофанаты Авеля?
Просто в этом дерьме раскаянье
Жизнь не делает комфортабельней.

По Гейне

*Трещина мира проходит
через сердце поэта.
Г. Гейне*

Мир целёхонек – сердце в трещинах,
И бессовестно жжёт нутро.
На какую б ни ставил женщину,
Шарик прыгал всегда в «зеро».

Сколько галстуков испомажено
И испорчено простыней!
Пусть бросалась в постель не каждая —
Всё равно б не хватило дней.

Видно, счастье не мне завещано —
Не вписали туда любовь.
Сколько б я ни сдавался женщинам,
Оставалась холодной кровь.

Сколько нервов наэкономлено,
Сколько денег легло на счёт.
Только круто в карьер несло меня —
Потеряли и Бог, и Чёрт.

Лишь судьбу безнадёжно-вещую
Растранижил на ремесло.
Ни одну не любил я женщину.
Как им всё-таки повезло!

Семь блюзов

1

Секундой бы позже – и выжил,
Себя раскорячив.
Простишь,
Что пел, не стесняясь отрывок,
И пропил билет на Париж?
Что, пялясь в оконную темень,
Висит на ремне «Англетер»?

За что меня глупое время
Рывком переводит в партер?

Под горлышко знаком вопроса,
Повисшим на первой струне,
Чтоб жёг об язык папиросы
За тридцать фальшивых монет.
Не складывай губки в конвертик —
Он снова уйдёт без письма.

За что же, карабкаясь к смерти,
Я снова катился с ума?

Малышка, сопливым минетом
Не пишут на сердце: «Люблю!»
Никто из залезших к поэту
Не смог – и в постель, и в петлю.

2

У тебя ли по зиме в долг земли просить?
Два аршина не нашил – крест не врос в песок.
И зачем тебе глаза мои экслибрисом,
да и мне твой поцелуй вместо росписи?

Мужики тебе (себе ль вперекор) дают?
Может, совесть стыд опять перевесила?
Что ж, попрыгай, постегаю аккордами.
Может, пили тяжело – жили весело.

Без закуски прёт назад? В закрома хромай.
А не хочешь жечь нутро – лучше в лес вали.
Эх, дорожка – лента вкось, набок бахромы!
Как бы лучше заплести, чтоб по-трезвому?

Как бы к вечеру – к крыльцу... Был бы кто чужой —
что с своих? пусть сны гоняют под лавками —
я вернулся бы к тебе. Что ты? Хочешь же,
чтоб приполз на четырёх кверху лапками.

Чтоб скулил, лизал ладонь, бился, грыз стекло,
о любви цыганил, выл, жизнь выпрашивал.
Хочешь, можешь по глазам меня выстегать.
Хочешь, брюхо распори – вдруг душа жива?

Пусть мой след кривой пасут снегири в грязи.
пьяной тропкой до любви не добраться им.
Я – к твоим ногам сквозь смех, как на привязи,
челюстями от любви зябко клацаю.

Я тебя бы пил взасос да зверел в любви,
путал песни в волосах – кто их выкосит?
Нас доверчивые сны ночью грели бы...
Хочешь? Вижу, вся дрожишь...
На-кось, выкуси!

У тебя же поцелуй – лучше ставь клины,
Лучше шей губа к губе – береги слова.
Ведь любовь – когда захлёб души сдавлены.
Разулыбь меня. Слетай, скушай кислого

И налей, пока держусь, спрячь глазёныши,
Не сопи в сырой платок по-снегурочьи.
Наплевать, что жизнь под хвост – повезёт ещё.
Не тебе меня судить.
В койку, дурочка!

3

Не сюда ли волокли моё завтра?
Не вчера ли я ещё был от Бога?
Только поздно – твой подол уже задран —
Не вернётся пьяный конь с полдороги.

Может, где-то и утешат молитвой,
Да с чего бы нынче прошлым порочить?
Здесь не Гумберт забавлялся с Лолитой,
Спотыкаясь и плюя в междустрочья.

Я спокоен – мой стакан уже полон,
Ты ещё не распечатала губы.
Слишком поздно бегать по небу голым.
Я не в моде.
НЕ УМЕЮ БЫТЬ ГЛУПЫМ.

Не умею прятать спину, петляя,
Уводя чумных собак от берлоги.
Скулы поздно рвать улыбкой – я знаю
Восемь цифр на своём некрологе.

Что ж ты, глазки закатив, машешь мордой?
Ну-ка, передом ко мне, к лесу задом.
Не вчера ли я ещё...? Хватит! К чёрту!
Не сюда ли...? Подавись моим завтра!

Выйди в люди – погордись своим телом.
Не красней – последний стыд уже содран.
Хочешь похоть на любовь переделать?
Не старайся,
Я УМЕЮ БЫТЬ ДОБРЫМ.

Когти рвать бы наугад – мало выпил.
Вперехлёст ремни дорог – страшно горлу.
Оближи мои глаза – слёзы слиплись.
Потерпи, я отыграю нескоро.

В молоко ушли последние пули.
Был бы подлым, перебрался б поближе.
Помнишь, ладили любовь – крест погнули?
Я уйду. Мне всё равно, где быть лишним.

В эту ночь я не вернусь больше трезвым.
В этом круге не плясать Саломее.
Просто ждать, когда ты сдохнешь на рельсах,
Ты прости, но
Я УЖЕ НЕ УМЕЮ.

4

Снова сок зари апельсиновой
на плечах.
Снова в ночь глаза позапрятала
не свои.
Мне плевать, что ты некрасивая —
вылечат.
Морда не покроется пятнами
от любви.
Ты целуй, целуй, не увиливай
по бедру.
Что же тут зазорного – лёд сошёл,
оттепель.
Если вдруг шепну тебе: «Милая» —
я в бреду.

Ты хотела этого прошлого?
Вот тебе!
Губками оскал никотиновый
заметай,
Поиграй корявыми мыслями —
выпендрись.
Прохрипит оскрипшей пластинкою
«Summertime»,
Спой мне, в такт качая обвислыми,
«Women's dreams».
Ты кому платила подслёзные
два к пяти,
Вынося меня чревом к северу
мерять рвы?
Не с руки любить нетверёзого?
Пей с горсти.
Если отвязалась от дерева —
поздно выть.
Если вдруг отбилась от скатерти —
уезжай.
Брось пугать меня мутно-серыми —
вынь глаза.
Что ж ты, как щенок к суке-матери,
губы сжав?
Может, хочешь душу со спермою
высосать?
Всё бы так, да просто копеечно
повелась...
Стоп. Прости. Прости ради Бога, я
чушь порол.
Может, никогда не поверишь, но
кровью ласк
Ты меня немного расстрогала.
Thanks for all!

5

Какому Пушкину любовь? Какого лешего
Варить ошмётки из Рембо в верленском крошечке?
И брось плевать на судьбу – она утешилась.
Хотя бы раз в сыром гробу побудь хорошею.

Я груб для труб. И труп для струн.
Я пьян. Вали ко мне!
(Не зря сегодня поутру собаки плакали)
В тебе ж всего один секрет – «спала с великими».
Жаль, только я в такой игре – не самый лакомый.

Сквозь поцелуи – кровь да соль. Терпи, родимая!

Живую флейту в колесо – молчи, безумная!
Всегда хватала послабей да поинтимнее,
Но я подыгрывать тебе и не подумаю.

Какого хрена образа? Свечу! А надо ли
Через плечо плевать назад? Ведь снова вырулишь.
Ты не влезала высоко – помягче падала,
А продала меня тайком – себе ли, миру ли...

Я не успею за порог —
ты встанешь висельно,
Перечеркнёшь моим пером
все строчки синие
Там, где я врал, что ты больна,
когда в любви сильна,
И безнадежно верил снам,
где ты красивая.

6

Зачем пришла сюда, таща клочки любви моей?
Ведь ты шепнула мне: «Прощай! А кровь я вымою!»
Прости мои остатки губ на тощем вымени,
Ведь я любил.
Что может быть непоправимее?

Зачем дразнил тебя всерьёз, играясь именем?
Поймай за хвост, поставь к стене, в упор спроси меня.
Не обижайся, что судьба отхиросимила,
Ведь я любил.
Что может быть невыносимее?

Холодной грудью не втолкнёшь в постель нагретую.
Нарви цветов, сорви портрет, порви с поэтами.
И не молись. Не Богу мне теперь советовать.
Ведь я любил.
Что может быть глупее этого?

Сходи в кабак, набив карман моими песнями.
Себе врала ты – никогда не знали здесь меня.
Зачем всё это? Поцелуй уже заплесневел.
Да, я любил.
Что может быть неинтереснее?

Толкаешь тщетно языком в меня сквозь зубы яд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.